

РАЗГОВОР СО ЗВЕЗДОЙ

18 января заслуженному артисту России, лауреату Государственной премии России и кинопремии А. Довженко Борису Невзорову исполняется 50 лет.

Будучи студентом последнего курса Школы-студии МХАТ, он дебютировал в телефильме «Дорога». Затем были «Особо опасные», «Главный конструктор», «Люди на болоте», «Лучшая дорога нашей жизни», «Парашютисты», «Сталинград»... На счету актера около ста теле- и кинофильмов, самые заметные из которых сыграны на «Беларусьфильме» у Виктора Турова: «Я считаю, что это один из самых выдающихся режиссеров кино. Он не просто снимал кино, а создавал некий мир. Он не «показывал» роль — он заставлял понять, ощутить самое главное в герое... При нем я стал забывать, что рядом камера, что вокруг люди».

Однако известность и любовь зрителей принес фильму Ильи Гурина «Россия молодая»: «Я как бы начался с этой картины, хотя что-то было сделано до нее. Только сейчас понимаю, какое колоссально трудное по профессии дело — сыграть «тихого» героя... Все так истосковались по теме России, что, когда начались съемки, каждый в душе был уже готов к ним»...

Борис Невзоров принадлежит к редкому сегодня типу социального героя, мужественного, гармоничного, цельного, нравственно здорового. И при этом в жизни — необычайно нежный, спокойный, внимательный и несуетный человек...

СКН: Борис Георгиевич, жизнь — это кино?

Б.Н.: Смотря о каком кино мы говорим и каким хотим его видеть. Плохой ли, хороший, но в России существовал особый кинематограф, основой которого была великая русская культура, литература, он не мог не найти отклика в сердцах. Вот такого кино мне сегодня и не хватает. Многие, кто умел это делать — уже нет, а те, которые что-то могут — не знают как. Сейчас вакуум... Перестройка «предложила» другое кино — американского розлива, не имеющее никакого отношения к реальной жизни. Мне рассказывали, что жена президента Миттерана в свое время прилетела в Москву и умоляла Горбачева: «У вас очень сильные национальные корни. Не делайте глупостей, которые совершили в свое время мы, когда допустили на наш рынок американцев. Они убили французский кинематограф». А ведь он был один из лучших в Европе...

СКН: Освободившись от цензуры, российский кинематограф оказался в зависимости от финансов...

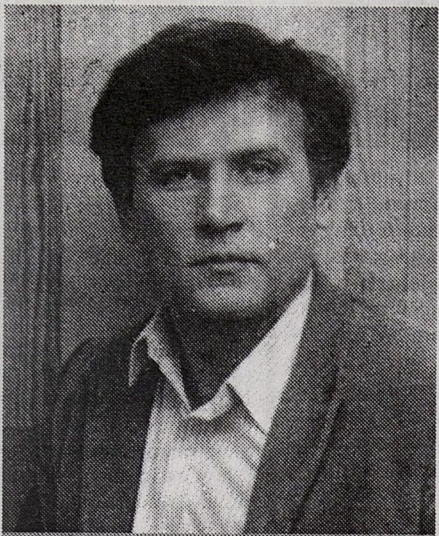
Б.Н.: На мой взгляд, это не самое главное — было бы желание, а деньги найти можно. О чем наше «новое кино»: о мафиозных разборках, проституции, коррупции... Такое ощущение, что мы живем в анатомическом театре — кино стало обыденным явлением. Об этом же ежедневно пишут в газетах, показывают в новостях. Но, на мой взгляд, не это должно становиться предметом искусства!

СКН: Что вы думаете о себе, как о режиссере?

Б.Н.: Режиссер — это свойство характера, он по природе должен быть многоуровневым, потому что эта профессия сродни политике: где-то надо промолчать, где-то поругать, надавить. Мне казалось, что я не создан для режиссуры.

СКН: И все-таки в 93-м году вы выступили в качестве режиссера-постановщика, сняв фильм «У попа была собака»...

Б.Н.: Да, но после такого опыта было ощущение, что я с этими людьми никог-

БОРИС НЕВЗОРОВ

ЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ ПРОЙДЯ ДО ПОЛОВИНЫ...

да в жизни встречаться не буду. Однако прошло время и снова появилось желание что-то сделать...

СКН: Борис Георгиевич, в 97-м году в интервью вы говорили о своем желании экранизировать роман Николая Лескова «Соборяне»...

Б.Н.: Лесков для меня неисчерпаем. «Соборяне» многими понимаются как хроники — о традиционной русской общности, о том, что мы должны жить все вместе. Но — это только основа, на которой развиваются мощные человеческие индивидуальности, обуреваемые страстями и неумной жадной жизни. Обращаясь в «Соборянах» к русскому захолустью, к «старомодным героям», Лесков выходит не только к остро современному, но и поистине вечным вопросам бытия. Мне очень хотелось бы осуществить этот проект.

СКН: Для вас есть что-то интересное на телевидении?

Б.Н.: На телевидении сейчас идет волна попыток делать сериалы. Думаю, что для того, чтобы понять, что мы можем, нужно все попробовать. Сейчас я работаю с режиссером Михаилом Туманишвили, который снимает детективный сериал. Готово уже шесть серий. В фильме у меня прекрасные партнеры — Саша Домогаров, Володя Ильин и Нина Русланова...

Жаль, что до сих пор мне не приходится работать с ребятами, которые идут вслед за нами. Пока не ясно, что там зреет, но хочется надеяться на лучшее.

СКН: Насколько для вас важно звание «премьера», актера, играющего главные роли?

Б.Н.: Это со стороны может показаться, что есть премьера, а есть массовка. У нас в театре, мне кажется, этого нет. Мне интересно, когда происходит коллективное действие. И думаю, большинство со мной согласится. Солировать? Не каждый артист может выдержать большую паузу, а потом сыграть главную роль. Можно дать любому, да не у каждого получится, к сожалению. Но должно быть готовым... Это как в спорте — есть стайер, а есть и спринтер. И бегают они на разные дистанции. Так и у артиста, есть не только физические мышцы, но и «творческие»...

СКН: Вы работаете в театре и кино. В театре свои законы — это как государ-

ство в государстве, в кино же люди собираются на короткий срок...

Б.Н.: Это и плюс, и минус кинематографа. Пришли, что-то успели, что-то нет. Плохое забывается... Поэтому для меня очевидно, почему не получаются спектакли в антрепризах. Казалось бы, собираются хорошие артисты, а получается не творчество, а сборная солянка. И все потому, что не съели вместе пуд соли. Нет времени повариться, чтобы вкус появился. А вместо удовольствия после такого блюда бежишь на горшок. Гениальную фразу сказал Толстой: «Двери души только в кабаках открываются изнутри». А в жизни-то двери души открываются снаружи, поэтому именно в репертуарном театре есть время подойти и приоткрыть эту дверцу, и именно в нем создается то, чем ты можешь поделиться со зрителем. Поэтому мне и понравилась идея Семена Спивака в спектакле «Мещанин-дворянин». Прекрасно, если человек прошел через мгновения счастья, через мгновения большой любви.

СКН: А любовь, по-вашему мнению, это созидание или разрушение?

Б.Н.: Хотелось бы, конечно, сказать, что созидание, но есть и какое-то со-

творяет за порогом потоки негативной информации, которые выливаются на него с экранов телевизоров и газетных полос. И, по-моему, мы не вправе подсовывать ему очередную белиберду или способ чьего-то самовыражения. Да и от кино хочется большей сердечности и человечности.

СКН: Борис Георгиевич, говорят, что актер с каждой новой ролью учится чему-то новому?

Б.Н.: Наверное, любая удачная роль — это эффект какого-то взаимного проникновения. Настает момент — и начинаешь относиться к тому, что сделано, как к некой реальности, и твой персонаж обретает право на существование. Довольно сложно жить, когда на тебя обрушиваются фантазия вперемежку с реальностью. Иногда это мешает, а порой открывает в тебе такие качества, о которых и не подозреваешь. Появляется ощущение, что ты поднялся на такую ступеньку, с высоты которой можешь смотреть спокойным, добрым, всепонимающим и всепрощающим взором...

СКН: Готовы ли вы пойти на компромисс в профессии?

Б.Н.: Готов, но до определенного предела. Отказываюсь, если не понимаю, чего от меня хотят, или считаю материал плохим. В период работы в театре Станиславского два или три раза такое случилось. Было сделано полработы, а понимания режиссуры, композиции не приходило. Время шло впустую, а значит, результата не было бы... Мне даже

«Сталинград»

перничество. Этому чувству дано так много определений. А что это: разум, душа или сердце? Иногда любовь открывает, позволяет парить над миром, петь соло, видеть во всем и всех только хорошее, доброе. И этот момент, наверное, самый опасный, потому что человек сбрасывает с себя панцирь. Тут-то и могут крылья подрезать. Вот и получается, что, созидая, она рано или поздно может многое разрушить.

СКН: Как же жить?

Б.Н.: Жизнь, несмотря ни на что. Спивак часто повторяет фразу одного из древних, что «самый защищенный человек — это не защищенный человек». Мне кажется, я не защищенный человек: очень нервничаю, могу по пустякам не спать ночь. Думаю, если хочешь быть хорошим артистом, то ты и не должен быть защищен — это главное. Только тогда ты сможешь выйти на сцену и заплакать.

СКН: Борис Георгиевич, собираясь к вам на встречу, я провела немало времени в библиотеке, но уви... О вас очень мало материалов и какой бы то ни было информации, а если и есть, то уже устаревшая...

Б.Н.: Журналистов я не жалую. Рассказывать в очередной раз, в какое время встаю, что я — сова... мне это неинтересно. Интервью — не исповедь, а взглядит так, будто я нашел некие пути существования и, в конечном счете, даю совет как жить. Да и журналисты любят подбросить какой-нибудь желтизны... Исповедь для артиста — на сцене, а не в словах, которые он говорит для прессы.

СКН: Вам интересно, что о вас или вам в письмах пишут?

Б.Н.: Была такая актриса Алла Константиновна Тарасова. Она получала много писем от «друзей», которые читала только после спектакля. Но раньше ведь редко играли, и у актеров оставалось время прочитать, расстроиться, а потом и успокоиться. Сейчас иные времена и скорости. При нашей непрерывной работе что-то прочтешь, не дай Бог, а успокоиться не успеешь... Поэтому пусть все подождет до отпуска.

СКН: Какой, на ваш взгляд, сейчас зритель?

Б.Н.: Театр — место особое. Его зритель — человек подготовленный. Он ос-

как-то было сказано: «Вы не понимаете авангардного искусства». Да, не понимаю. Не так воспитан — работаем как можем.

СКН: Часто ли у вас возникают конфликтные ситуации?

Б.Н.: Я очень дисциплинированный артист. Всегда стараюсь понять режиссера. Не приемлю пьянства и актерской самоуверенности, индивидуализма: я сделаю, но завтра... А остальным что пока делать — сидеть и ждать? По этому поводу могу вспылить, развернуться и уйти. Но это редко.

СКН: Приступая к работе над фильмом, спектаклем ставите ли вы какую-то цель перед собой?

Б.Н.: В своей библиотеке я наткнулся на довольно странную, трудно читаемую книгу Шкловского «Энергия заблуждений». Она запутанная, фрагментарная. Как раз в ней я и прочитал выражение Толстого об энергии заблуждений, о том, что она и является активной частью творческого начала человека: ставя перед собой цель, он должен оставить поле для заблуждений. Желание открыть новый путь в Индию подарило миру Америку — это результат. Надо позволять себе эту энергию заблуждений, но для этого требуется хорошее творческое ухо и сердце. А то ведь такие упорные есть — нужна Индия и все тут; создадут конструкцию — придумано здорово, но не наполнено ни сердцем, ни душой.

СКН: Борис Георгиевич, как вы считаете, какой тип ролей вас сейчас ожидает?

Б.Н.: Какой тип ролей ожидает, не знаю, а вот о нашей жизни хотелось бы нормального человеческого разговора. Тут дело не в роли, а в некой теме, созвучной сегодняшнему мировосприятию, и в режиссуре. Хочется доверительного, смешного, открытого. Сейчас благоприятный период: есть опыт и ощущение силы...

Как хорошо было бы, если бы сначала человека рождали для пробы, чтобы потом он мог прожить жизнь набело. После пятидесяти — словно заново родился...

Беседовала Ирина КРЕТОВА

В спектакле «Мещанин-дворянин»

СОВЕТСКИЙ
КИНОМАТОГРАФИСТ

14.01.2000г.

№ 2 (38)

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ
ГАЗЕТА
СОЮЗА
КИНОМАТОГРАФИСТОВ РФ

РАЗГОВОР СО ЗВЕЗДОЙ

18 января заслуженному артисту России, лауреату Государственной премии России и кинопремии А. Довженко Борису Невзорову исполняется 50 лет.

Будучи студентом последнего курса Школы-студии МХАТ, он дебютировал в телефильме «Дорога». Затем были «Особо опасные», «Главный конструктор», «Люди на болоте», «Лучшая дорога нашей жизни», «Парашютисты», «Сталинград»... На счету актера около ста теле- и кинофильмов, самые заметные из которых сыграны на «Беларусьфильме» у Виктора Турова: «Я считаю, что это один из самых выдающихся режиссеров кино. Он не просто снимал кино, а создавал некий мир. Он не «показывал» роль — он заставлял понять, ощутить самое главное в герое... При нем я стал забывать, что рядом камера, что вокруг люди».

Однако известность и любовь зрителей принес фильм Ильи Гурина «Россия молодая»: «Я как бы начался с этой картины, хотя что-то было сделано до нее. Только сейчас понимаю, какое колоссально трудное по профессии дело — сыграть «тихого» героя... Все так истосковались по теме России, что, когда начались съемки, каждый в душе был уже готов к ним»...

Борис Невзоров принадлежит к редкому сегодня типу социального героя, мужественного, гармоничного, цельного, нравственно здорового. И при этом в жизни — необычайно нежный, спокойный, внимательный и несуетный человек...

СКН: Борис Георгиевич, жизнь — это кино?

Б.Н.: Смотря о каком кино мы говорим и каким хотим его видеть. Плохой ли, хороший, но в России существовал особый кинематограф, основой которого была великая русская культура, литература, он не мог не найти отклика в сердцах. Вот такого кино мне сегодня и не хватает. Многих, кто умел это делать — уже нет, а те, которые что-то могут — не знают как. Сейчас вакуум... Перестройка «предложила» другое кино — американского розлива, не имеющее никакого отношения к реальной жизни. Мне рассказывали, что жена президента Миттерана в свое время прилетела в Москву и умоляла Горбачева: «У вас очень сильные национальные корни. Не делайте глупостей, которые совершили в свое время мы, когда допустили на наш рынок американцев. Они убили французский кинематограф». А ведь он был один из лучших в Европе...

СКН: Освободившись от цензуры, российский кинематограф оказался в зависимости финансовой...

Б.Н.: На мой взгляд, это не самое главное — было бы желание, а деньги найти можно. О чем наше «новое кино»: о мафиозных разборках, проституции, коррупции... Такое ощущение, что мы живем в анатомическом театре — кино стало обыденным явлением. Об этом же ежедневно пишут в газетах, показывают в новостях. Но, на мой взгляд, не это должно становиться предметом искусства!

СКН: Что вы думаете о себе, как о режиссере?

Б.Н.: Режиссер — это свойство характера, он по природе должен быть многоуровневым, потому что эта профессия сродни политике: где-то надо промолчать, где-то поругать, надавить. Мне казалось, что я не создан для режиссуры.

СКН: И все-таки в 93-м году вы выступили в качестве режиссера-постановщика, сняв фильм «У попа была собака»...

Б.Н.: Да, но после такого опыта было ощущение, что я с этими людьми никог-

БОРИС НЕВЗОРОВ

ЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ ПРОИДЯ ДО ПОЛОВИНЫ...

да в жизни встречаться не буду. Однако прошло время и снова появилось желание что-то сделать...

СКН: Борис Георгиевич, в 97-м году в интервью вы говорили о своем желании экранизировать роман Николая Лескова «Соборяне»...

Б.Н.: Лесков для меня неисчерпаем. «Соборяне» многими понимаются как хроники — о традиционной русской общности, о том, что мы должны жить все вместе. Но — это только основа, на которой развиваются мощные человеческие индивидуальности, обуреваемые страстями и неумолимой жадой жизни. Обращаясь в «Соборянах» к русскому захолустью, к «старомодным героям», Лесков выходит не только к остро современному, но и поистине вечным вопросам бытия. Мне очень хотелось бы осуществить этот проект.

СКН: Для вас есть что-то интересное на телевидении?

Б.Н.: На телевидении сейчас идет волна попыток делать сериалы. Думаю, что для того, чтобы понять, что мы можем, нужно все попробовать. Сейчас я работаю с режиссером Михаилом Туманишвили, который снимает детективный сериал. Готово уже шесть серий. В фильме у меня прекрасные партнеры — Саша Домогов, Володя Ильин и Нина Русланова...

Жаль, что до сих пор мне не приходилось работать с ребятами, которые идут вслед за нами. Пока не ясно, что там зреет, но хочется надеяться на лучшее.

СКН: Насколько для вас важно звание «премьера», актера, играющего главные роли?

Б.Н.: Это со стороны может показаться, что есть премьер, а есть массовка. У нас в театре, мне кажется, этого нет. Мне интересно, когда происходит коллективное действие. И думаю, большинство со мной согласится. Солировать? Не каждый артист может выдержать большую паузу, а потом сыграть главную роль. Можно дать любому, да не у каждого получится, к сожалению. Но должно быть готовым... Это как в спорте — есть стайер, а есть и спринтер. И бегают они на разные дистанции. Так и у артиста, есть не только физические мышцы, но и «творческие»...

СКН: Вы работаете в театре и кино. В театре свои законы — это как государ-

ство в государстве, в кино же люди собираются на короткий срок...

Б.Н.: Это и плюс, и минус кинематографа. Пришли, что-то успели, что-то нет. Плохое забывается. Поэтому для меня очевидно, почему не получают спектакли в антрепризах. Казалось бы, собираются хорошие артисты, а получается не творчество, а сборная солянка. И все потому, что не съели вместе пуд соли. Нет времени повариться, чтобы вкус появился. А вместо удовольствия после такого блюда бежишь на горшок. Гениальную фразу сказал Толстой: «Двери души только в кабаках открываются изнутри». А в жизни-то двери души открываются снаружи, поэтому именно в репертуарном театре есть время подойти и приоткрыть эту дверцу, и именно в нем создается то, чем ты можешь поделиться со зрителем. Поэтому мне и понравилась идея Семена Спивака в спектакле «Мещанин-дворянин». Прекрасно, если человек прошел через мгновения счастья, через мгновения большой любви.

СКН: А любовь, по-вашему мнению, это созидание или разрушение?

Б.Н.: Хотелось бы, конечно, сказать, что созидание, но есть и какое-то со-

творяет за порогом потоки негативной информации, которые выливаются на него с экранов телевизоров и газетных полос. И, по-моему, мы не вправе подсовывать ему очередную белиберду или способ чьего-то самовыражения. Да и от кино хочется большей сердечности и человечности.

СКН: Борис Георгиевич, говорят, что актер с каждой новой ролью учится чему-то новому?

Б.Н.: Наверное, любая удачная роль — это эффект какого-то взаимного проникновения. Настает момент — и начинаешь относиться к тому, что сделано, как к некой реальности, и твой персонаж обретает право на существование. Довольно сложно жить, когда на тебя обрушиваются фантазия вперемежку с реальностью. Иногда это мешает, а порой открывает в тебе такие качества, о которых и не подозреваешь. Появляется ощущение, что ты поднялся на такую ступеньку, с высоты которой можешь смотреть спокойным, добрым, всепонимающим и всепрощающим взором...

СКН: Готовы ли вы пойти на компромисс в профессии?

Б.Н.: Готов, но до определенного предела. Отказываюсь, если не понимаю, чего от меня хотят, или считаю материал плохим. В период работы в театре Станиславского два или три раза такое случилось. Было сделано полработы, а понимания режиссуры, композиции не приходило. Время шло впустую, а, значит, результата не было бы... Мне даже

«Сталинград»

перничество. Этому чувству дано так много определений. А что это: разум, душа или сердце? Иногда любовь окрыляет, позволяет парить над миром, петь соло, видеть и видеть во всем и всех только хорошее, доброе. И этот момент, наверное, самый опасный, потому что человек сбрасывает с себя панцирь. Тут-то и могут крылья подрезать. Вот и получается, что, созидая, она рано или поздно может многое разрушить.

СКН: Как же жить?

Б.Н.: Жить, несмотря ни на что. Спивак часто повторяет фразу одного из древних, что «самый защищенный человек — это не защищенный человек». Мне кажется, я не защищенный человек: очень нервничаю, могу по пустякам не спать ночь. Думаю, если хочешь быть хорошим артистом, то ты и не должен быть защищен — это главное. Только тогда ты сможешь выйти на сцену и заплакать.

СКН: Борис Георгиевич, собираясь к вам на встречу, я провела немало времени в библиотеке, но увы... О вас очень мало материалов и какой бы то ни было информации, а если и есть, то уже устаревшая...

Б.Н.: Журналистов я не жалую. Рассказывать в очередной раз, в какое время встаю, что я — сова... мне это неинтересно. Интервью — не исповедь, а выглядит так, будто я нашел некие пути существования и, в конечном счете, даю совет как жить. Да и журналисты любят подбросить какой-нибудь желтизны... Исповедь для артиста — на сцене, а не в словах, которые он говорит для прессы.

СКН: Вам интересно, что о вас или вам в письмах пишут?

Б.Н.: Была такая актриса Алла Константиновна Тарасова. Она получала много писем от «друзей», которые читала только после спектакля. Но раньше ведь редко играли, и у актеров оставалось время прочитать, расстроиться, а потом и успокоиться. Сейчас иные времена и скорости. При нашей непрерывной работе что-то прочтешь, не дай Бог, а успокоиться не успеешь... Поэтому пусть все подождет до отпуска.

СКН: Какой, на ваш взгляд, сейчас зритель?

Б.Н.: Театр — место особое. Его зритель — человек подготовленный. Он ос-

как-то было сказано: «Вы не понимаете авангардного искусства». Да, не понимаю. Не так воспитан — работаем как можем.

СКН: Часто ли у вас возникают конфликтные ситуации?

Б.Н.: Я очень дисциплинированный артист. Всегда стараюсь понять режиссера. Не приемлю пьянства и актерской самоуверенности, индивидуализма: я сделаю, но завтра... А остальным что пока делать — сидеть и ждать? По этому поводу могу вспылить, развернуться и уйти. Но это редко.

СКН: Приступая к работе над фильмом, спектаклем ставите ли вы какую-то цель перед собой?

Б.Н.: В своей библиотеке я наткнулся на довольно странную, трудно читаемую книгу Шкловского «Энергия заблуждений». Она запутанная, фрагментарная. Как раз в ней я и прочитал выражение Толстого об энергии заблуждений, о том, что она и является активной частью творческого начала человека: ставя перед собой цель, он должен оставить поле для заблуждений. Желание открыть новый путь в Индию подарило миру Америку — это результат. Надо позволять себе эту энергию заблуждений, но для этого требуется хорошее творческое ухо и сердце. А то ведь такие упорные есть — нужна Индия и все тут; создадут конструкцию — придумано здорово, но не наполнено ни сердцем, ни душой.

СКН: Борис Георгиевич, как вы считаете, какой тип ролей вас сейчас ожидает?

Б.Н.: Какой тип ролей ожидает, не знаю, а вот о нашей жизни хотелось бы нормального человеческого разговора. Тут дело не в роли, а в некой теме, созвучной сегодняшнему мировосприятию, и в режиссуре. Хочется доверительного, смешного, открытого. Сейчас благоприятный период: есть опыт и ощущение силы...

Как хорошо было бы, если бы сначала человека рождали для пробы, чтобы потом он мог прожить жизнь набело. После пятидесяти — словно заново родился...

Беседовала Ирина КРЕТОВА

В спектакле «Мещанин-дворянин»

Невзоров Борис

14.01.00. 22